

УДК [94 “1944/1964”:271.2](478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/14

Церковное подполье в Молдавии в 1944–1964 гг.: возникновение, формы, участники

В.А. Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

Молдова, Приднестровье, 3300, Тирасполь, ул. 25 октября, 107

E-mail: sodol_slv@mail.ru

Авторское резюме

Послевоенный период в истории государственно-церковных взаимоотношений в Советской Молдавии прошёл под знаком перманентного нажима власти на церковные институты и духовенство, попыток постепенного вытеснения религии и церкви из жизни граждан. Её население в ответ на масштабное наступление на Церковь искало пути и средства для удовлетворения своих религиозных потребностей. Одним из таких путей был уход верующих в церковное подполье. Сокращение количества «официальных» приходов и зарегистрированного белого духовенства способствовало активизации деятельности т. н. самозванцев и самочинников, которые удовлетворяли религиозные потребности верующих в недействующих храмах или на домах у верующих. Зная, что по каноническим правилам проведение богослужений возможно только при наличии антиминса, освящённого архиереем, представители религиозных «двадцаток» при закрытии приходских храмов в массовом порядке прятали антиминсы и предоставляли их для служб при первой возможности представителям «легального» духовенства, самозванцам или самочинникам. Несмотря на ликвидацию монастырской системы, сокращение количества открытых приходских храмов, количество совершавшихся религиозных треб оставалось на примерно одинаковом уровне на протяжении всего рассматриваемого периода в том числе благодаря деятельности церковного подполья Молдавии, участниками которого были и верующие, и представители местного духовенства.

Ключевые слова: Кишинёвская епархия, Совет по делам РПЦ, самозванцы, самочинники, церковное подполье.

The church underground in Moldova in 1944–1964: emergence, shapes, participants

V.A. Sodol

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25th Street, Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: sodol_slv@mail.ru

Abstract

The post-war period in the history of state-church relations in Soviet Moldova developed under the permanent pressure of the authorities on church institutions and clergy, with the attempts to gradually oust religion and the church from the lives of citizens. In response to the large-scale attack on the church, the population of Moldova was looking for ways and means to meet their religious needs. One of these ways was going into the church underground. The reduction in the number of “official” parishes and registered white clergy revitalized the so-called impostors, who satisfied the religious needs of believers in non-functioning temples or in their own houses. Knowing that, according to the canonical rules, the divine services were possible only if there was an antimimension consecrated by the bishop, the representatives of the religious “twenties” actively hid antimensions when parishes were closed to provide them to the “legal” clergy, impostors or the self-appointed for services at the first opportunity. Though the monastic system was eliminated and the number of working parish churches was reduced, the number of religious services remained almost unchanged throughout the period under study, which was possible in some degree due to the activities of the church underground of Moldova, whose participants were both believers and representatives of the local clergy.

Keywords: Moldavian SSR, Diocese of Chisinau, church, monastery, impostors, illegal clergy.

С момента формирования христианского вероучения и церковных институтов адепты новой религии были вынуждены скрываться от властей Римской империи, тайно проповедовать основы вероучения в многочисленных катакомбах в окрестностях Рима. Именно из этого начального периода истории Христианской Церкви возник термин «катакомбная церковь», который, по мнению А.Л. Беглова, имеет столетнюю историю. Впервые его применила игуменья Афанасия (Громко) в письмах к митрополиту Евлогию (Георгиевскому) в значении «храм, вынужденно действующий в непригодном для этого помещении» [1: 8]. С конца 1940-х гг. с подачи эмигранта, деятеля

«осифлянской» оппозиции И. Андреева выражения «катакомбы» и «катакомбная церковь» стали ведущими понятиями для описания церковной жизни в Советском Союзе со следующим комплексом значений: церковно-политическая оппозиционность какой-то церковной группы руководству Московской Патриархии, её нелегальность с точки зрения советского законодательства и последовательная «анти-советская» настроенность её членов [1: 10]. А. Беглов указывает на то, что яркая публицистическая окраска и очевидная двойственность (у одних авторов – это нелегальные общины, у других – оппозиционные, нелегальные и антисоветские) затрудняют использование термина «катакомбная церковь» в качестве научного определения. Он предложил использовать термин «церковное подполье» в отношении тех объединений верующих, которые имели отношение к Русской православной церкви. При этом понятие «подполье» понимается исключительно в юридическом ключе и означает то, что было советской властью запрещено, объявлено вне закона, стало нелегальным [1: 12]. Тем самым, понятие «церковное подполье» описывает все сферы жизни РПЦ, оказавшиеся за пределами легальности. В частности, он предложил отнести к этому понятию общины, не имевшие регистрации, предусмотренной советским законодательством, запрещённые формы молитвенной и социальной активности верующих (крестные ходы, помощь нуждающимся) и т. п.

Послевоенный период в истории государственно-церковных взаимоотношений в Советской Молдавии прошёл под знаком нескольких волн нажима власти на церковные институты и духовенство, попыток постепенного вытеснения религии и церкви из жизни граждан. Сокращение количества церквей и священников на приходах рассматривалось советскими идеологами и функционерами как задача первостепенной важности. Монастыри либо закрывали, либо душили ограничениями и налогами. Монахов, служивших священниками, требовали вернуть в монастыри. Молодёжи, желавшей поступить в духовные семинарии, чинили всяческие препоны. Но даже в этих условиях Молдавия представляла собой одну из самых набожных республик Советского Союза. Её население в ответ на масштабное наступление на церковь искало пути и средства для удовлетворения своих религиозных потребностей. Одним из таких путей был уход верующих в церковное подполье.

Важной предпосылкой наличия церковного подполья в Молдавии в послевоенные десятилетия известный своими исследованиями в области государственно-церковных отношений В.И. Пасат считает наличие у молдавского церковного актива большого опыта противостояния неприемлемым для себя новшествам периода румынской

оккупации края 1918–1940 и 1941–1944 гг. Именно такой характер имели движения старостильников, политические протесты и волнения на религиозной почве, монастырская оппозиционность, деятельность «независимых» бродячих священников и самозванцев, уход части верующих и духовенства в сектантство [18: 85].

Церковное подполье в Молдавии строилось прежде всего вокруг недействовавших храмов, получивших такой статус поначалу в период 1944–1945 гг. в связи с отсутствием священника либо плачевным техническим состоянием здания. Так, в 1946 г. из 950 молдавских храмов насчитывалось 349 недействующих. В конце 1957 г. таких церквей было 463 [19: 53]. Сокращение количества «официальных» приходов и зарегистрированного белого духовенства способствовало активизации деятельности т. н. самозванцев и самочинников, которые удовлетворяли религиозные потребности верующих в недействующих храмах или на домах у верующих. Об этой проблеме знало не только руководство епархии и патриархии, но и было сообщено верующим всего Советского Союза в «Журнале Московской патриархии»: «... в очень многих приходах (Кишинёвской епархии. – В.С.) религиозные нужды верующих удовлетворялись канонически неправомочными лицами» [17: 42]. Так, в 1948 г. благочинный Бельцкого и других районов¹ протоиерей И.С. Крыжановский сообщал, что на вверенной ему территории в храмах сёл Гринауцы, Пеления, Поповка, Бучумы, Пырлица и Тодорешты (Унгенского района), Сарата (Сынжерейского района) кощунствуют самозванцы П. Чабан, А. Гаевский, Донцу, М. Климов, С. Джунку [9: 192]. Своеобразие ситуации в Молдавии заключалось в том, что церкви и церковное имущество в республике было взято на учёт, но не национализировано (кроме храмов на левом берегу Днестра). Внешние признаки собственности (включая имевшиеся в распоряжении церковных активистов ключи от храмов) убеждали верующих в том, что у них есть все права на использование помещения и находящегося в нем имущества. Как верно отметил В.И. Пасат, «учитывая, что в Молдавии недействующие церкви были законсервированы вместе со всем “церковным оборудованием” (часто включая антиминсы), верующие полагали, что в этих церквях было все необходимое, за исключением священника, и любыми способами старались его заполучить» [18: 89]. Иногда самозванцы придавали своей деятельности определенную политическую направленность, определяя себя как альтернативу «священникам-коммунистам, обманывающим людей, чтобы побольше денег выжать», как бывший настоятель церкви Криулянского района [18: 90]. По словам Уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Молдавской ССР П.Н. Роменского, «крайне вызывающим и неблагонадёжным» с

этой точки зрения было поведение вернувшихся в Молдавию двух репрессированных – архимандритов Макария (отца) и Варлаама (сына) Кирицы, которые «самоправно бродят по монастырям и сёлам и занимаются среди верующих и монашествующих отъявленной антисоветской работой... Они пытаются также сгруппировать вокруг себя все прочие реакционные, националистические элементы, имеющиеся среди местного духовенства» [19: 405].

Важным показателем стремления значительной части верующих выйти из вынужденного «церковного подполья» была подача ими ходатайств об открытии церковей и регистрации церковных общин как в церковные, так и в государственные инстанции. Эти действия церковных активистов повторялись из года в год, в ряде случаев – на протяжении нескольких десятилетий. Например, такие обращения поступали от верующих сёл Шибка Григориопольского района, Красногорка Тираспольского района, Маркауцы Сусленского района и др. [3: 3, 60; 4: 11]. О масштабах этого процесса можно судить по представленной в работе В.И. Пасата динамике количества подобных прошений во второй половине 1940–1950-х гг.: в 1946 г. – 18, в 1947 г. – 37, в 1948 г. – 112, в 1951 г. – 55, 1953 г. – 69, в 1954 г. – 106, в 1955 г. – 151, в 1956 г. – 322, в первом полугодии 1957 г. – 193 [18: 84; 19: 46, 56]. Во второй половине 1940-х гг. в Каменском районе заметной фигурой стал Иосиф Цехмистер, активно собиравший подписи на открытие церкви и назначение священника [3: 156]. О необходимости назначения священников на пустующие приходы, со своей стороны, просили руководителя епархии и назначенные им благочинные. Так, благочинный Каменского и других районов К.Ф. Буйницкий ходатайствовал перед епископом Нектарием (Григорьевым) о назначении священников на приходы сёл Большой Молокиш, Попенки, Колбасное [9: 230, 231]. В ряде случаев (с. Саицы Волонтировского района, с. Шибка Григориопольского района) верующие, понимая, что по объективным причинам в их приходские храмы назначить священнослужителей на постоянной основе не представлялось возможным, просили «разрешить служить в церкви по праздникам» [3: 70; 4: 33]. Из-за постоянного противодействия открытию храмов со стороны П.Н. Роменского представителям религиозных общин приходилось добиваться реализации своих прав у представителей все более высоких уровней власти. Так, верующие с. Баймакля об открытии церкви и назначении священника направили письмо депутату ВС МССР С.Ф. Романенко [11: 187]. Получив пять отказов от П.Н. Роменского, члены церковного правления и ревизионной комиссии с. Брынешты Оргеевского уезда осенью 1947 г. направили ходатайство о регистрации Рождество-Богородич-

ной церкви в селе на имя Председателя ВС МССР [5: 40, 41]. Заявление об открытии храма и назначении священника на имя Председателя Президиума ВС СССР Н. Шверника отправляли члены правления религиозных общин церквей с. Маловатое Дубоссарского района, сёл Колбасное Каменского района и Черница Вертужанского района [8: 57; 12: 61, 61а, 69, 70]. Помощи в вопросах возвращения церковных зданий и поставления священника ожидали от Г.М. Маленкова и К.Е. Ворошилова жители сс. Хрустовая Каменского района и Незавертайловка Слободзейского района [15: 111, 115, 116]. Община верующих села Коротное Слободзейского района, убедившись в бесплодности обращений к уполномоченному, председателю Совета по делам РПЦ при СМ СССР Г.Г. Карпову и даже Патриарху Московскому и всея Руси Алексию (Симанскому), пошла на отчаянный шаг и направила письмо с просьбой об открытии их молитвенного дома самому И.В. Сталину [13: 83, 84]. Известен случай, когда церковному активу с. Трифешты в их стремлении возобновить деятельность своего храма и реализовать закреплённое в Конституции право на свободу совести удалось заручиться поддержкой депутата ВС СССР Марии Петровны Фрунзе [5: 17]. Как верно утверждает В. Пасат, «поражает настойчивость, с которой бывшие церковные старосты, псаломщики, некоторые активные прихожане добивались осуществления своего права на веру предков. Упорство этих людей ставило в тупик даже изощренного в отказах Роменского» [18: 86]. Однако безрезультативность обращений верующих была предопределена решением Совета по делам РПЦ при СМ СССР ещё в 1946 г., которое зафиксировало следующее: «Принимая во внимание, что в МССР имеется значительное число действующих церквей, удовлетворяющих религиозные запросы верующих, предложить уполномоченному Совету Роменскому не проводить регистрацию церквей, служба в которых не проводится более года, а религиозные общины распались» [2: 1, 2]. Такое положение дел и способствовало главным образом переходу общин верующих на нелегальное положение.

Частым явлением в условиях отсутствия собственного храма в населённом пункте было удовлетворение религиозных потребностей верующими в соседних сёлах, где храмы продолжали функционировать. Так, после закрытия церкви св. Архангела Михаила в с. Строенцы крестить детей и венчаться люди ходили в соседние сёла тайком, ночью, потому что боялись гонений [21: 377].

Нередки были случаи, когда в пустовавших по причине отсутствия священнослужителя молдавских храмах по приглашению верующих служили не имевшие на это особого позволения от правящего архиерея священники из соседних сёл, а то и соседних украинских епархий.

Такая ситуация сложилась в уже упоминавшемся с. Шибка Григориопольского района, где время от времени выполнял требы верующих священник Михаил Талинский из с. Сош-Островское Украинской ССР [3: 73], в сёлах Грушка, Кузьмин, Хрустовая, Валя-Адынкэ Каменского района, а также ряде сёл Вертюжанского района «по самоинициативе отдельных церковников» неоднократно служили Адриан Солтановский, священник Стрельбицкий, священник Ф. Молчановский и псаломщик А. Козловский из Винницкой епархии [3: 155; 4: 76, 149]. Благочинный Рышканского и других районов В. Корнич сообщал епископу Венедикту (Полякову), что «в Корнештском районе почти половину района занимает самозванец Гаевский, который объявил себя благочинным, назначает и переводит псаломщиков из прихода в приход, взимает взносы с церковей и пр.» [7: 111]. Руководство епархии различало среди лиц, служивших на незарегистрированных приходах «самозванцев» и «самочинников». К первым относили лиц, не имевших как сана священника, так и соответствующих разрешений церковной и гражданской властей, но совершавших тем не менее всевозможные богослужения и требоисправления. Ко второй категории причислялись лица, имевшие священнический сан, но совершавшие богослужения и требы без разрешения епархиальных властей и уполномоченного [7: 124, 125]. В начале 1950 г., видимо по распоряжению епископа Кишинёвского Нектария (Григорьева), был подготовлен список наиболее активных самозванцев и самочинников, действовавших на территории епархии. В нем были перечислены шесть человек: В.К. Шундяк, Г.К. Вилкин, Г.Д. Пьянкин, Ф.Э. Дынга, Г.И. Бенья, Д.А. Урсул [18: 476, 477]. Они служили литургии в закрытых храмах, освящали колодцы, совершали молебны о дожде с крестными ходами, совершали водосвятие вне храмов, выполняли все требы. Сохранился также составленный весной того же года список самозванцев и самочинников на территории Кишинёвско-Молдавской епархии, в котором значился 41 человек [12: 57]. Учитывая то, что общее количество зарегистрированных священников епархии в это же время не превышало 370 человек, не вызывает удивления вывод, сделанный благочинным В. Корничем в письме к епископу Нектария: «в нашей Епархии скоро образуется специальная новая "епархия" из самозванцев» [7: 111; 18: 459, 491].

Примечательно, что во многих случаях руководители сёл и колхозов становились на сторону «бродячих проповедников и служителей культа» или же «занимали нейтральную линию», поощряя тем самым их деятельность [14: 2]. Так, председатель сельсовета с. Дойбаны Дубоссарского района Маслород в мае 1951 г. выдал самозваному священнику (личность которого осталась неустановленной) справку

на право совершения общественной панихиды – поминовения умерших на сельском кладбище в день Радуницы, а председатель сельсовета с. Койково того же района письменно разрешил самозваному священнику К.И. Завыбороде совершать погребения на кладбище. Такие же документы выдали председатель сельсовета с. Солончены Резинского района Заец и председатель колхоза им. Чапаева Стратий «легальному» священнику Ханкевичу из соседнего с. Чорна [18: 576].

Были случаи окормления верующих в сёлах, где церкви были закрыты, ушедшими на покой священниками. Например, уроженец с. Колбасное Рыбницкого района священник Иаков Панга после ухода на пенсию вернулся в родное село и стал окормлять верующих – крестил детей, венчал молодых и отпевал умерших. При этом плату за обрядовые услуги никогда не брал. К нему приходили не только односельчане, но и жители других сёл и городов. Известен случай, когда одна женщина привезла к нему крестить 9 человек (своих детей и внуков) [21: 373].

Всевозможные ограничения на богослужебную деятельность иеромонахами молдавских монастырей, а затем и ликвидация монастырской системы в епархии также провоцировали уход некоторых их насельников в «подполье». Так, например, благочинный церковью Вертюжанского и других районов М. Кременский в 1947 г. сообщал, что из 12 недействовавших храмов его благочиния в четырёх (сёла Темелеуцы, Вертюжаны, Черепково, Солонец) службы проводили иеромонахи Добружского монастыря [6: 67]. Монахи Киприяновского монастыря также незаконно в с. Панасешты Страшенского района совершали погребения, освящение дворов, панихиды, а некоторые (Илларион (Сырбуленко), Пантелеймон (Мырза)) – даже исповеди и причащения не только больных, но и стариков и детей в возрасте 3–5 лет на домах у верующих [22: 190]. Монашествующие Кицканского монастыря, имея на руках выданные настоятелем обители удостоверения с монастырской печатью, служили в недействующих храмах панихиды, молебны и другие религиозные обряды. Таким образом, они подпольно удовлетворяли религиозные нужды в сёлах Копанка, Киркаешты, Калфа Бендерского района; Кокмазы, Паланка Олонештского района; Семеновка Волонтирского района; Рошканы, Бульбоки, Телица Бульбокского района; Салкуца Кайнарского района [14: 1].

Важным условием совершения богослужений в православных храмах является наличие в них антиминса – прямоугольного плата с частицами святых мощей, возлагаемого на Святой Престол и предназначенного для совершения на нем Евхаристии [16: 70]. Это требование первоначально было установлено церковным Собором в Карфагене в 401 г., который постановил, что «должен быть отвергнут всякий храм, в котором не положены в основание мощи мучеников»

[16: 70]. В дальнейшем 7-м правилом VII Вселенского собора это постановление было конкретизировано: ни один храм не должен быть без святых мощей, которые должны быть положены в нем при освящении его епископом; только при наличии на Престоле в храме святых мощей в нем может совершаться Святая Евхаристия [16: 71]. Поскольку не всегда было возможно положить мученические мощи в основание храма, например в случае с домовыми церквями, для совершения Евхаристии в них были установлены антиминсы (греч. – вместо престола). Об их роли знаменитый византийский канонист Феодор Вальсамон утверждал следующее: «...антиминсы, освящённые архиереями во время освящения храма, а затем переданные молитвенным домам, служат вместо освящения, поэтому и называются антиминсами, т. е. изображением, образом многих такого рода столов, которые составляют святую Господню трапезу» [16: 71]. В «Чинольнике архиерейского священнослужения» было предписано при совершении всех трех чинов литургии раскрывать антиминс во время возгласа «Да и тии с нами славят...», что указывает на то, что во всех храмах, в том числе и в лично освящённых епископами, Бескровная жертва может приноситься только при наличии святого антиминса [16: 72].

Важным фактором участвовавшего применения антиминсов стали случаи нападений и разрушений христианских храмов со стороны еретиков и язычников, поскольку, со слов епископа Китрского Иоанна (византийского писателя и канониста, современника Ф. Вальсамона), «антиминсы раздаются по всем местам, где в них есть нужда, и употребление их, по благодатной силе, получаемой ими, не ограничивается теми или другими пределами, ибо и в чужих землях, как божественное миро и другие святыни, они пользуются полным уважением и благоговейным употреблением, будучи освящаемы только по преданию отцев» [16: 72]. Именно поэтому в условиях периодических волн закрытия молдавских храмов, представители религиозных «двадцаток» при возникновении угрозы прекращения деятельности их приходских храмов в массовом порядке прятали антиминсы. Тем временем они предоставляли их при первой возможности для служб не только представителям «легального» духовенства, но даже самозванцам и самочинникам. Так, в марте 1949 г. жители и председатель сельсовета с. Кышла Кишкаренского района воспротивились попытке изъятия антиминса из их незарегистрированной церкви благочинным Унгенского и других районов священником Г. Пьянкиным [10: 210]. Не отдали антиминса из своего храма священнику Е. Терлецкому и верующие с. Сипотены Каларашского района, который, будучи переведён на другой приход, пытался увезти его с собой [10: 334]. Известен и прямо противоположный случай – весной

1947 г. бывший священник с. Кугурешты Ф. Шундяк забрал антиминс из церкви с. Васкауцы Вертужанского района и впоследствии, не будучи назначен епископом ни на один приход, по приглашению верующих незаконно служил в различных пустующих храмах республики [4: 62; 9: 1, 2]. Служил «на имеющихся у него старых антиминсах из незарегистрированных храмов с. Костешты Болотинского района» и запрещённый в священнослужении Г.И. Беня [12: 4].

Вообще при закрытии храмов члены религиозной общины старались сохранить наиболее ценные вещи и инвентарь. Так, прихожане церкви Рождества Пресвятой Богородицы с. Вадул-Туркул Рыбницкого района тайно спасали святыни своего храма: кресты, иконы, утварь. Многие сельчане помнят самоотверженность Е.И. Подоляна, сохранившего Святую Чашу, Плащаницу и многое другое [21: 370]. Прихожане церкви св. Архангела Михаила с. Колбасное Рыбницкого района после закрытия храма бережно сохранили колокола (закопали в землю), старинные иконы «Воскресение», «Пресвятая Богоматерь», «Младенец Иисус», фрагменты старого иконостаса (Царские врата) [21: 373, 374]. В с. Строенцы члены религиозной общины сохранили церковную утварь и иконы, которые раньше были в храме [21: 377]. Часть уцелевшего после бомбардировки в 1944 г. церковного имущества храма с. Селиште Григориопольского района сохранил Г.Ф. Годорожа с супругой и затем в 1946–1947 гг. его использовал иеромонах Курковского монастыря, служивший в этом храме без соответствующего распоряжения правящего архиерея [4: 7, 64].

В условиях «оттепели» расцвели такие формы выражения религиозного энтузиазма, за которые коммунисты никого не преследовали, но и санкции на них не давали: сооружение и реставрация крестов на перекрёстках дорог, в сёлах, у колодцев [19: 57, 58]. Например, по сообщениям П.Н. Роменского, даже в начале 1950-х гг. в республике наблюдалось чуть ли не повсеместное восстановление на дорогах и у колодцев в населённых пунктах крестов и часовен [18: 580]. Практика восстановления старых и сооружения новых крестов у дорог и колодцев как в сёлах, так и в городах республики продолжалась и в дальнейшем и затронула даже столицу Молдавии. В г. Кишинёве, в районе Старой Почты у дороги, ведущей на г. Оргеев, в июне 1954 г. верующими по инициативе В.Г. Савина с женой, колхозника М. Карамана из с. Гратиешты был сооружён крест. 12 июня он был неизвестными лицами сломан, но на его месте по прошествии всего лишь нескольких дней был сооружён новый, железный [19: 253]. Тогда же были отремонтированы и возведены новые кресты в с. Панашешты Страшенского района, а также в сёлах Кишинёвского, Котовского, Ниспоренского, Оргеевского, Бравичского, Вадул-луй-Водского,

Бульбокского, Криулянского и целого ряда других районов [19: 254].

Несмотря на значительное сокращение сети действовавших церквей, ликвидацию монастырской системы в республике и иные ограничительные мероприятия со стороны гражданских органов власти Молдавской ССР, уполномоченный А.И. Олейник в первой половине 1960-х гг. в ежегодных отчётах вынужден был констатировать, что «религиозная обрядность почти не снижается, а в ряде населённых пунктов даже растёт... Администрирование по отношению к духовенству и религиозным объединениям... вместо ослабления приводит к разжиганию религиозного фанатизма, вызывает сочувствие к ним и защиту их со стороны верующих» [20: 308, 309]. Так, по информации уполномоченного за период 1961–1964 гг., доля крещений новорождённых составляла от 52 до 46,9 %; обряд венчания совершали от 31 до 25 % вступающих в брак, а хоронили по религиозному обряду от 41,8 до 30,4 % умерших [20: 133, 134, 207, 262, 308].

Можно согласиться с мнением А. Беглова о том, что политика советских властей привела к вытеснению, невольному уходу за границу легальности и росту церковного подполья. Различные виды монастырей, снятые с регистрации приходы, паломничества, благотворительность, образование и хозяйственная деятельность – все, чему не было места в легальной церковной жизни, продолжало существовать за её пределами [1: 100]. Российская церковь, подобно айсбергу, погружающемуся под воду, скрывалась за границей легальности, оставляя «над водой» лишь крошечную верхушку.

О фактическом бессилии и отсутствии действенных результатов административных «нажимов» на православную церковь в Молдавии было заявлено председателем Совета по делам религий в конце 1964 г.: «...администрирование по отношению к церкви со стороны некоторых руководящих работников местных органов власти усиливает религиозный фанатизм, и в то же время неудовлетворительный контроль за соблюдением законодательства о культах используется духовенством и церковниками по расширению их деятельности за рамки существующих советских законов» [20: 296].

Итак, в результате негативных последствий немецко-румынской оккупации, а также перманентного давления со стороны советских органов власти на Церковь и её институты в Молдавской ССР существенно сократились возможности для удовлетворения религиозных нужд православных верующих: сократилось число действовавших храмов, резко уменьшилось количество священников, закрывались монастыри, а иеромонахи отзывались с приходов. Значительная часть церковного актива осознавала неестественность сложившегося положения, расхождение действительности с провозглашённым в

действовавшей Конституции принципом свободы совести и систематически на протяжении многих лет предпринимала безуспешные попытки добиться возобновления деятельности закрытых храмов и поставления на приходы священников. В этих условиях паства Кишинёвской епархии активно искала пути выхода из создавшегося положения, одним из которых стал уход верующих в церковное подполье. Перевод многих сфер религиозной жизни православных верующих за пределы легальности в Молдавии был облегчён уже имевшимся в их распоряжении опытом сопротивления неприемлемым для них новшествам периода румынской оккупации края 1918–1940 гг. (движение старостильников, бродячие священники и самозванцы и пр.). Церковное подполье в Молдавии послевоенного периода строилось вокруг недействовавших храмов, с привлечением к исполнению в них церковных служб не только «легальных» священников (например, из соседних приходов и даже епархий, иеромонахов местных монастырей), но и лиц, отнесенных Церковью к категориям самозванцев и самочинников. Специфическими формами деятельности активистов церковного подполья в Молдавии были сооружение и реставрация крестов на перекрёстках дорог, в сёлах, у колодцев. Несмотря на ликвидацию монастырской системы, сокращение количества открытых приходских храмов, количество совершавшихся религиозных треб оставалось на примерно одинаковом уровне на протяжении всего рассматриваемого нами периода, что свидетельствует как о масштабах, так и об эффективности деятельности церковного подполья Молдавии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Согласно Положению об управлении РПЦ, Кишинёвская епархия вплоть до 1962 г. разделялась на благочиннические округа во главе с благочинными. В рассматриваемый период количество округов варьировалось от 7 до 19. Территория благочиннического округа поначалу совпадала с территорией соответствующего уезда МССР (для правобережья республики) и всеми районами её левобережной части. После унификации территориально-административного деления Молдавии благочиния непродолжительное время совпадали с административными районами. На протяжении 1950-х гг. сохранялось деление епархии на 13 благочиний, каждое из которых охватывало церкви, расположенные в пределах приблизительно 5 административных районов [18: 238, 246–247].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008. 352 с.

2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 60. Материалы по республикам, краям и областям, справки и докладные записки, 1947 г.

3. Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 3046. Оп. 1. Д. 12. Жалобы и заявления по вопросам относящимся к деятельности РПЦ и переписка по ним, 1946 г.

4. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 13. Жалобы и заявления по вопросам относящимся к деятельности РПЦ и переписка по ним, 1947 г.

5. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 14. Заявления верующих об открытии церквей и молитвенных домов и материалы к ним, 1947 г.

6. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 15. Жалобы и заявления по вопросам относящимся к деятельности РПЦ и переписка по ним, 1947 г.

7. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 17. Материалы, поступающие из Епархиального управления по вопросам, относящимся к деятельности православных церквей и монастырей, 1948 г.

8. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 21. Заявления верующих об открытии церквей, молитвенных домов и материалы к ним, 1948 г.

9. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 24. Жалобы и заявления по вопросам относящимся к деятельности РПЦ и переписка по ним, 1948 г.

10. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 26. Материалы, поступающие из Епархиального управления по вопросам, относящимся к деятельности православных церквей и монастырей, 1949 г.

11. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 29. Жалобы и заявления по вопросам относящимся к деятельности РПЦ и переписка по ним, 1949 г.

12. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 33. Материалы, поступающие из епархиального управления по вопросам, относящимся к деятельности православных церквей и монастырей, 1950 г.

13. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 45. Жалобы и заявления по вопросам относящимся к деятельности РПЦ и переписка по ним, 1952 г.

14. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 47. Информации и справки о деятельности православных церквей по Тираспольскому округу, 1953 г.

15. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 50. Жалобы и заявления по вопросам относящимся к деятельности РПЦ и переписка по ним, 1953 г.

16. *П.Е.* Русские антиминсы (церковно-археологический очерк) // Журнал Московской патриархии. 1964. № 2. С. 70–73.

17. *Петров С.* Из Кишинёвской епархии // Журнал Московской патриархии. 1947. № 8. С. 42–43.

18. Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991. Собрание документов: в 4 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 823 с.

19. Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991. Собрание документов: в 4 т. Т. 2. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 967 с.

20. Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991. Собрание документов: в 4 т. Т. 3. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 663 с.

21. Святыни русского Православия юга Украины и Молдавии: историко-документальный фотоальбом. Тирасполь: Б.и., 2016. 400 с.

22. Содоля В.А. Монастыри Советской Молдавии: взаимоотношения с государством и хозяйственная деятельность (1944–1962). Тирасполь: Stratum Plus, 2015. 256 с.

REFERENCES

1. Beglov, A. (2008) *V poiskakh "bezgreshnykh katakomb". Tserkovnoe podpol'e v SSSR*. [In search of "sinless catacombs." The Church underground in the USSR]. Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church; Arefa.

2. USSR. (1947) *Materialy po respublikam, krayam i oblastyam, spravki i dokladnye zapiski* [Materials on the republics, territories and regions, references and memorandums]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 6991. List 2. File 60.

3. USSR. (1946) *Zhaloby i zayavleniya po voprosam otnosyashchimsya k deyatel'nosti RPTs i perepiska po nim* [Complaints and statements on issues related to the activities of the Russian Orthodox Church and correspondence on them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 12.

4. USSR. (1947) *Zhaloby i zayavleniya po voprosam otnosyashchimsya k deyatel'nosti RPTs i perepiska po nim* [Complaints and statements on issues related to the activities of the Russian Orthodox Church and correspondence on them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 13.

5. USSR. (1947) *Zayavleniya veruyushchikh ob otkrytii tserkvey i molitvennykh domov i materialy k nim* [Declarations of believers on the opening of churches and prayer houses and materials for them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 14.

6. USSR. (1947) *Zhaloby i zayavleniya po voprosam otnosyashchimsya k deyatel'nosti RPTs i perepiska po nim* [Complaints and statements on issues related to the activities of the Russian Orthodox Church and correspondence on them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 15.

7. USSR. (1948) *Materialy, postupayushchie iz Eparkhial'nogo upravleniya po voprosam, otnosyashchimsya k deyatel'nosti pravoslavnykh tserkvey i monastyrey* [Materials received from the Diocesan Administration on issues related to the activities of Orthodox churches and monasteries]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 17.

8. USSR. (1948) *Zayavleniya veruyushchikh ob otkrytii tserkvey i molitvennykh domov i materialy k nim* [Statements of believers on the opening of churches,

prayer houses and materials for them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 21.

9. USSR. (1948) *Zhaloby i zayavleniya po voprosam otnosyashchimsya k deyatel'nosti RPTs i perepiska po nim* [Complaints and statements on issues related to the activities of the Russian Orthodox Church and correspondence on them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 24.

10. USSR. (1949) *Materialy, postupayushchie iz Eparkhial'nogo upravleniya po voprosam, otnosyashchimsya k deyatel'nosti pravoslavnykh tserkvey i monastyrey* [Materials received from the Diocesan Administration on issues related to the activities of Orthodox churches and monasteries]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 26.

11. USSR. (1949) *Zhaloby i zayavleniya po voprosam otnosyashchimsya k deyatel'nosti RPTs i perepiska po nim* [Complaints and statements on issues related to the activities of the Russian Orthodox Church and correspondence on them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 29.

12. USSR. (1950) *Materialy, postupayushchie iz Eparkhial'nogo upravleniya po voprosam, otnosyashchimsya k deyatel'nosti pravoslavnykh tserkvey i monastyrey* [Materials received from the Diocesan Administration on issues related to the activities of Orthodox churches and monasteries]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 33.

13. USSR. (1952) *Zhaloby i zayavleniya po voprosam otnosyashchimsya k deyatel'nosti RPTs i perepiska po nim* [Complaints and statements on issues related to the activities of the Russian Orthodox Church and correspondence on them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 45.

14. USSR. (1953) *Informatsii i spravki o deyatel'nosti pravoslavnykh tserkvey po Tiraspol'skomu okrugu* [Information and certificates on the activities of Orthodox churches in Tiraspol district]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 47.

15. USSR. (1953) *Zhaloby i zayavleniya po voprosam otnosyashchimsya k deyatel'nosti RPTs i perepiska po nim* [Complaints and statements on issues related to the activities of the Russian Orthodox Church and correspondence on them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 50.

16. P.E. (1964) Russian Antimins (church-archaeological essay). *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii*. 2. pp. 70–73 (in Russian).

17. Petrov, S. (1947) From the Diocese of Chisinau. *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii*. 8. pp. 42–43 (in Russian).

18. Pasat, V. (ed.) (2009) *Pravoslavie v Moldavii: vlast', tserkov', veruyushchie. 1940–1991. Sobranie dokumentov* [The Orthodoxy in Moldavia: power, church, and believers. Collected documents]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.

19. Pasat, V. (ed.) (2010) *Pravoslavie v Moldavii: vlast', tserkov', veruyushchie. 1940–1991. Sobranie dokumentov* [The Orthodoxy in Moldavia: power, church, and believers. Collected documents]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.

20. Pasat, V. (ed.) (2011) *Pravoslavie v Moldavii: vlast', tserkov', veruyushchie. 1940–1991. Sobranie dokumentov* [The Orthodoxy in Moldavia: power, church, and believers. Collected documents] Vol. 3. Moscow: ROSSPEN.

21. Transnistria. (2016) *Svyatyni russkogo Pravoslaviya yuga Ukrainy i Moldavii: istoriko-dokumental'nyy fotoal'bom* [Shrines of Russian Orthodoxy in the South of Ukraine and Moldova: a historical and documentary photo album]. Tiraspol: [s.n.].

22. Sodol, V.A. (2015) *Monastyri Sovetskoy Moldavii: vzaimootnosheniya s gosudarstvom i khozyaystvennaya deyatel'nost' (1944–1962)* [Monasteries in Soviet Moldavia: Their relations with the State and Economic Activities (1944 – 1962)]. Tiraspol: Stratum Plus.

Содоль Вячеслав Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Молдова, Приднестровье).

Veacheslav A. Sodol – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria).

E-mail: sodol_slv@mail.ru